

Литрес

АЛЕКС Д
ЛАНА МЕЙЕР

Мактуб

ПРИНЦ АНМАРА

Восточные (не)сказки

Алекс Д

Мактуб. Книга 3. Принц Анмара

«Лана Мейер»

«Алекс Д.»

2020

Д А.

Мактуб. Книга 3. Принц Анмара / А. Д — «Лана Мейер», «Алекс Д.», 2020 — (Восточные (не)сказки)

Мактуб – роман, сочетающий в себе восточный колорит; чувственность, страсть и интриги в горячих отношениях Джамала и его упрямой Эйнин; слияние сильного мужского характера и гордого женского нрава, которому нет места в их отношениях. Каждое столкновение героев – балансирование на грани, бег по раскаленным углям или роковая встреча, уготованная судьбой? Джейдан: От нее пахнет красками, шотландским виски, солеными слезами и единственной женщиной, к которой хочется прикоснуться, убивать, спасать, ненавидеть, прощать, любить, забывая собственное имя. И этому нет никакого объяснения и не малейшей возможности исправить, вычеркнуть или забыть. Эрика: Хочу в мир, где будем только мы, только ты и я. Но я не смогу принять то, что стану третьей, или даже первой из трех. Я никогда не буду единственной, в то время как ты – единственный мужчина, с которым я связала бы свою жизнь.

© Д А., 2020

© Лана Мейер, 2020

© Алекс Д., 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алекс Д, Лана Мейер

Мактуб. Книга 3. Принц Анмара

*Жизнь без любви – цветок без аромата, как говорят на Востоке.
Понсон дю Террайль. Тайны Парижа.*

Пролог

Провинция Кемар. Поселок Аззам. Семнадцать лет назад

Имам Ибрагим пришел на торжество последним. С его появлением смех и музыка стихли, и все присутствующие склонили головы в почтенном молчании. В тени финиковых пальм за простыми деревянными столами на широких скамьях, которые гости вынесли из собственных домов, расположились почти все жители Аззама. В самом центре, на отдельном кресле, обтянутом белой тканью, в традиционной головной убора и расшитой золотом рубахе усадили самого виновника события – одиннадцатилетнего Джамалю Камалю, который с задумчивым выражением лица и вымученной улыбкой принимал поздравления от многочисленных гостей, среди которых почти не было женщин.

Исключение составляли только мать и сестры Джамалю. Оставаясь практически незаметными, они бесшумно сновали между столами, подливая воду, сок и травяной чай в стаканы; убирали грязную посуду и доносили блюда с угощениями, состоящими в основном из баранины и тушеной фасоли, отварного риса, свежих овощей и фруктов, фиников, щербета и других восточных сладостей. Ибрагим занял место рядом с Омаром Камалем, ободряюще улыбнулся побледневшему Джамалю.

– Сегодня особый день, Джамаль. Ты проявил смелость и укрепил свою веру и должен запомнить его, как лучший в своей жизни, – произнес Ибрагим. – Это мой скромный дар тебе, – извлек из широких складок рясы небольшой бумажный сверток и протянул мальчику. Джамаль поблагодарил Ибрагима. Он уже точно знал, что внутри. Коран – традиционное неизменное подношение имама.

Торжество в центре маленького поселения устроили по случаю совершения обязательного для всех мусульманских мальчиков обряда. В бедном поселении Аззам суннет (*прим. автора: исламский термин, означающий обряд обрезания, представляющий собой усеечение крайней плоти*) праздновался с особым масштабом. Если семья была слишком бедна, чтобы подготовиться к церемонии и после угостить гостей, то все жители поселка принимали участие, помогали деньгами, приносили в дом родителей мальчика продукты и ткани, чтобы мать могла сшить сыну для обряда новый костюм.

Но если для родителей, близких родственников и гостей суннет был радостным событием, то мальчишки, как правило, очень волновались перед обрядом. Первое испытание будущего мужчины на храбрость, первая боль, которую нужно пережить, не показав окружающим своего страха. Имам Ибрагим много лет проводил церемонию сам, в мечети, в присутствии близких родственников. Несколько десятков мальчишек от рождения до двенадцати лет прошли через его руки, и все они сейчас присутствовали здесь, чтобы поздравить Джамалю Камалю.

– Пришел мой черед поздравить тебя, Джамаль, – немного волнуясь, начал его отец. Омар встал, поправил белоснежную кандуру, надетую в честь праздника, и извлек из кармана тряпочный мешочек, уместающийся в ладони. – Теперь ты достаточно взрослый, чтобы оценить

значение моего дара, – Омар наклонился к сыну и положил кулек в протянутую руку сына. – Ты был послан мне самим Аллахом в утешение, когда мы с женой горевали после потери нашего первенца, и сейчас стал опорой и помощником. Каждый день я возношу молитвы Всевышнему за то, что он указал мне путь, когда я пребывал в отчаянии, – взволнованно проговорил Омар.

Мальчик мягко улыбнулся отцу и с любопытством расшнуровал тоненькую веревку, перетянувшую мешочек, перевернул и изумленно выдохнул... Ему в ладонь упал тяжелый перстень, излучающий благородное сияние. Он взял его пальцами, с восхищением, немного даже недоверчиво рассматривая со всех сторон. Да и как тут поверить собственным глазам? Откуда у бедного реставратора могло взяться такое дорогое украшение? Сверкающие драгоценные камни так и притягивали взгляды не только Джамали, но и всех присутствующих. На оттиске перстня при близком расстоянии можно было увидеть серебристую лилию, обвитую змеей с глазами-рубинами.

– Очень щедрый подарок, – не сводя глаз с кольца, произнёс имам Ибрагим, но, спохватившись, что не дал сыну поблагодарить отца, замолчал и учтиво отвел взгляд.

– Спасибо, отец. Я сделаю все, чтобы ты никогда не разочаровался во мне. Клянусь, что всегда буду опорой тебе, матери и сёстрам, – взволнованно произнес Джамаль, сжимая перстень в кулаке. – Но Аллах свидетель, имам прав, это слишком дорогое подношение.

– Кольцо принадлежит тебе, Джамаль, и я хочу, чтобы ты хранил его, и, когда наступит подходящий момент, передал своему сыну. Пообещай мне.

– Клянусь, отец, – кивнул мальчик, вставая со своего импровизированного трона и обнимая отца, у которого в глазах сверкнули слезы.

Чуть позже, когда эстафета поздравлений перешла к другим жителям Аззама, Ибрагим обратился к Омару с вопросом, который не давал ему покоя с того момента, как он увидел в ладони Джамали кольцо.

– Кто так щедро расплатился с тобой за работу, Омар? – негромко спросил он. – Или ты купил кольцо в ближайшем городе?

Мужчину не задел нетактичный вопрос Ибрагима. Они много лет были знакомы, Омар часто выполнял разного рода поручения имама за символическую плату и давно считал себя его другом.

– Я нашел перстень в пустыне, Ибрагим, – немного поразмыслив, прежде чем ответить, произнес Омар.

– Махрус благоволит тебе, друг. Обычно он безжалостен к одиноким путешественникам, – задумчиво отозвался имам, обратив на Джамали Камали внимательный взгляд. Ему вдруг вспомнилось, как одиннадцать лет назад, едва успев похоронить первенца, Омар вернулся с заработков с еще одной трагической вестью. Умерла при родах его сестра, которая много лет назад вышла замуж и уехала в небольшой городок по ту сторону Махруса. Младенец выжил, но оказался круглым сиротой. Муж несчастной умер от пневмонии за несколько месяцев до рождения ребенка. Ибрагим тогда поддержал желание Омара вырастить племянника, как родного, не раскрывая ему печальных обстоятельств его появления на свет.

– Ты говорил, что твой сын тоже неплохо справляется с кистью? У меня, пожалуй, найдется для него работа в мечети, – произнес Ибрагим, широко улыбаясь старому другу.

* * *

Анмар. Пять месяцев назад

Джамаль

Я знаю, почему Кадер не убил меня. Я знаю, кто мог вызвать группу АРС в столицу Кемара раньше времени. Я до хрена чего знаю, но сейчас должен сыграть роль того, кем привык меня видеть Таир Кадер.

– Он назвал имена? – сыплет вопросами полковник.

– Нет. Никаких прямых обвинений.

– Он что-то говорил о премьер-министре Дамире Видаде? – конкретизирует Кадер, заодно проверяя мою реакцию на прозвучавшее имя.

– Нет. Ни слова, – бессовестно лгу. – Предполагаю, что информация сфабрикована с целью нанести удар по кабинету министров и дискредитировать короля в глазах народа и правительственных структур других стран, посеять смуту и на почве многолетнего растущего недовольства правлением аль-Мактума свергнуть монарха, заручившись политической поддержкой влиятельных союзников.

– Кому это нужно?

– Искандеру аль-Мактуму, – озвучиваю я одну из имеющихся версий. – Наследник не собирается ждать смерти короля. Ему нужна власть, трон психически нестабильного отца. В руках американцев подобная информационная бомба сможет нанести серьезный урон политике Анмара, повлечь за собой многочисленные необратимые последствия. Мы оба понимаем степень угрозы, Кадер.

– Почему я должен тебе верить?

– У меня нет причин лгать. Нет причин сотрудничать с ЦРУ и отказываться от страны, которая, как ты правильно заметил, дала мне все, что я имею. Дай мне закончить операцию, Кадер. Я получу данные и ликвидирую Видада. Я знаю, где его искать. Без меня вам его не найти. Времени нет. Возможно, прямо сейчас они покидают Анмар.

– А если снова провалишь задание и упустишь его?

– Сделаешь то, что посчитаешь нужным.

– Ты помнишь, какой вопрос я задал тебе, когда мы встретились с тобой в первый раз? – резко меняет тему полковник с целью поставить меня в тупик.

– Да, сэр, – сглатываю я.

Шаги Кадера стремительно приближаются, отскакивая от стен гулким эхом. Он резко сдвигает повязку с моих глаз, и я жмурюсь, хотя освещение в комнате для допросов достаточно тусклое, чтобы не травмировать сетчатку. Пока Кадер снимает металлический обруч с моего горла, я, проморгавшись, озираюсь по сторонам слеповатым взглядом. Картинка немного плывет, двоится и троится, фокус нарушен из-за удара по голове и продолжительного давления на глазные яблоки.

Обстановка вполне ожидаемая: стальные звуконепроницаемые стены, металлический стол, прикрепленный к полу, круглая раскачивающаяся лампа под потолком, тяжелая железная дверь. В этих карцерах допрашивают особо опасных политических преступников в целях сохранения полной секретности данных показаний. Интересно, чем я заслужил подобную честь?

– Прочитируешь? Можно своими словами, – продолжает Кадер, снова вставая передо мной. Он, бл*дь, издевается? Дерьмовое чувство юмора, или умом тронулся и решил предаться ностальгии?

– *«Ты хочешь научиться стрелять в тех, кто уничтожил Аззам? Я не говорю про правосудие и закон. Придется держать оружие. Направлять в головы тех, на чьих руках кровь многих невинных жертв. Ты сможешь, Джамаль?»*

– Феноменальная память, – констатирует Таир. Если он и удивлён, то виду не подаёт. Я глубоко втягиваю тяжелый спертый воздух. Без ошейника дышать стало заметно легче.

– В момент стресса возможности памяти могут обладать противоположными свойствами – стирать обстоятельства травмирующих событий или фотографически отпечатывать их в подсознании, – ровным, бесстрастным тоном сообщаю я, бросая выразительный взгляд на свои прикованные к подлокотникам «пытчного» кресла запястья. Кадер невозмутимо пожимает плечами, не торопясь освобождать мои руки.

– Ты всегда был самым способным среди агентов, Джамаль. У тебя есть здравый смысл и правильно выработаны инстинкты выживания, ты чувствуешь опасность и обладаешь быстрой реакцией, умеешь принимать самостоятельные решения, не боишься ответственности и готов исправлять совершённые ошибки даже ценой собственной жизни, – к моему недоумению Кадер пускается в перечисление моих достоинств. Техника «хороший полицейский» сейчас не совсем к месту. На меня не действуют стандартные уловки во время допроса. Я их выучил наизусть еще в первые годы обучения. – Но сейчас мне необходимо быть уверенным в правильности твоих приоритетов.

– Тебе они известны, Кадер. Я работаю на благо королевства, – четко отвечаю я. Таир пристально смотрит мне в глаза и отводит взгляд первым.

– Означает ли это, что ты по-прежнему готов стрелять в тех, кто уничтожил Аззам?

– Да, полковник, – киваю я, озадаченно сдвинув брови. Почему он заговорил об Аззаме именно сейчас?

Кадер снова делает шаг вперед и, не глядя на меня, отстёгивает сначала один железный браслет на запястье, потом другой. Облегченно вздохнув, я разминаю затекшие руки и, подняв голову, натыкаюсь взглядом на протянутый Кадром пистолет.

– Зачем? – хмуро спрашиваю я. Кадер сосредоточенно и решительно смотрит на меня.

– Возьми, – отдает жёсткий приказ. И когда я выполняю, командует снова. – А теперь поднеси к своему виску и стреляй.

– Я вроде как уже собирался это сделать, но ты меня остановил, – ему впервые удалось поставить меня тупик. Если это какой-то новый экзамен, то я явно к нему оказался не подготовлен.

– Сейчас не стану. Давай. Ты только что сказал, что готов стрелять в тех, кто уничтожил Аззам, – наши взгляды скрещиваются в напряженном поединке.

Пульс подскакивает, простреливая виски резкой болью. Перед глазами снова расплываются тёмные пятна. Прищурившись, я сжимаю кольт в руке, пытаюсь понять, что именно хочет от меня Таир Кадер. Существует только одно логическое объяснение, а это означает, что пришло время открывать карты, но первый ход я оставляю за полковником. Уверен, что у нас с ним разнящиеся версии событий. И чтобы выиграть в конечном раскладе, мне придется придержать козыри в рукаве.

– Отец никогда не рассказывал тебе о том, как ты появился в его семье, Джамаль? – Повернув голову набок, ровным тоном спрашивает Кадер.

– Нет, – хрипло отвечаю я, качнув головой. – Наверное, как и все остальные дети, – опускаю глаза, ощущая предательскую боль под ребрами. Это неправда...

– Нет? – резкий голос Кадера выдергивает меня из тяжелых воспоминаний. Я отрицательно киваю головой, стиснув челюсти до хруста. – Или мне говорить не хочешь?

– Отец ничего мне не рассказывал, – стальным тоном повторяю я. Таир проходится по мне изучающим взглядом.

– А подарок его помнишь? Уверен, что да. С твоей-то памятью.

– Откуда тебе известно про кольцо? – вскинув голову, ожесточённо спрашиваю я.

– Помнишь, значит, – ухмыляется Кадер с толикой удовлетворения.

Отходит назад, присаживается на край стола, сунув руки в карманы военной формы. Сукин сын уверен, что контролирует ситуацию. Хотя, учитывая мое положение, у него есть на это все основания.

– Я потерял его в мечети вовремя теракта, – произношу я, не сводя с полковника сверлящего настойчивого взгляда. – Никто не знал!

– Почему ты так уверен? Я же знаю, – передергивает печами Кадер, доводя меня до бешенства своим снисходительным видом.

– Откуда? – рычу я, и, словно издеваясь, Таир выдерживает значительную паузу, берет бутылку воды со стола и бросает мне в руки. Быстрота реакции не подводит, несмотря на небольшую рассеянность сознания.

– Под пытками люди бывают очень болтливы. Особенно женщины, – расстегивая пару пуговиц на рубаше, произносит Кадер. – Когда наш отряд прибыл в Аззам, спасти было некого, и мы бросили все ресурсы, чтобы вычислить исполнителей теракта. Это было несложно. Они здорово наследили и уйти далеко не успели. На выполнение этой задачи ушло несколько дней. Обнаружили, окружили и захватили повстанцев без боя, застав врасплох. Нас насторожило сразу несколько моментов. Накрыв преступную банду, мы освободили больше десяти пленников, которых, по всей видимости, собирались продать торговцам Шатров, но из Аззама был только ты и в клетке держали исключительно тебя. Да и сам теракт отличался от остальных провокаций повстанцев. Аззам – достаточно мирный поселок, ничем не выделяющийся, население бедное, по большей части необразованное. И к тому времени повстанцы заметно поутихли, а тут вдруг такая трагедия! Поэтому вопросы, разумеется, у меня возникли. Я тогда еще сам участвовал в операции, а не в кабинете бумажки заполнял. Допрашивали долго, ублюдки стойкие попались, но заговорила только женщина. И очень интересную рассказала историю. Я бы не поверил, но совпадения слишком очевидные, – Таир снова останавливается, испытываяюще глядя мне в глаза. Его интересует моя реакция, но ему невдомек, что я делаю то же самое: детально анализирую каждое слово, интонацию и мимику, с которой оно произнесено.

– Что он тебе рассказал? – не выдержав, резко спрашиваю я.

– Теракт заказал кемарский шейх Шараф аль-Гафар, по утверждению этой суки являющийся одним из организаторов Шатров Махруса. Обещал огромное вознаграждение, если будут выполнены все условия. А потребовал он уничтожить Аззам, сжечь дотла, сравнять с землей, в живых оставить только Джамалю Камалю и доставить к нему. Я экстренно организовал спецоперацию, и Шарафа аль-Гафара вычислили и перехватили, когда он находился на территории Анмара. Стойкость шейха к пыткам оказалась ниже, чем у исполнителей его приказов. После третьего допроса он уже не отрицал своей причастности к деятельности Шатров и сдал нам несколько громких имен, среди которых значились бизнесмены и шейхи, проживающие не только на территории Кемара, но и в Анмаре. К сожалению, вся структура Гафару была неизвестна, и он назвал только тех, с кем сотрудничал лично. Организаторы бизнеса на живой плоти намеренно создали сложную иерархическую цепочку, чтобы обезопасить верхушку. Когда мы частично разобрались с первым вопросом, перешли ко второму – к мальчику, ради похищения которого уничтожили целый поселок. И то, что я узнал, повергло меня в шок. Шараф аль-Гафар в Кемаре вел внешне благочестивую жизнь, спонсировал школы и приюты, совершал паломничества в Мекку, где однажды и познакомился с аззамским имамом, поведавшим ему удивительную историю об одном из своих прихожан и его сыне. Имам рассказал, что однажды Омар вернулся из пустыни с младенцем на руках, сообщив, что это ребенок его сестры, остав-

шийся круглым сиротой, и стал воспитывать как родного. Обычная вроде история, банальная. Сколько таких семей? Да вот когда во время празднования суннета отец подарил сыну кольцо, которое вряд ли было по карману Камалю, перебивающегося временными заработками, имама заинтересовало его происхождение. На прямо заданный вопрос Омар ответил, что нашел перстень в пустыне. Имам, как лицо религиозное, воспринял историю Камалю как промысел Всевышнего. Мало кого Махрус одаривает дарами. Чаще убивает или сбивает с пути, а тут сначала ребенок, потом кольцо. Чудо, не иначе. Но только Шараф аль-Гафар в чудеса не верил. Он выпросил у имама все подробности: возраст мальчика, точную дату рождения, цвет волос, глаз, как выглядит кольцо, откуда возвращался Омар Камаль, когда появился в посёлке с ребёнком на руках, – Кадер замолкает, задумчиво потирая подбородок, словно сомневаясь, стоит ли продолжать дальше. Его взгляд неотрывно блуждает по моему лицу.

– Почему ты замолчал? Говори дальше, – требую я.

– Я скажу, если ты дашь мне клятву здесь и сейчас, что все, что будет сказано в этих стенах, никогда не выйдет за их пределы, – металлическим тоном отвечает он.

– Считай, что она у тебя есть. Я могу подписать документы о неразглашении, если необходимо.

– Все изменится после того, как ты узнаешь правду.

– Говори, – мы обмениваемся напряженными взглядами, после чего Кадер коротко кивает.

– Нам придётся вернуться на двадцать восемь лет назад. К тому моменту, когда жена короля была похищена торговцами в пустыне. Все, кто ее сопровождали, были убиты, а ее тело нашли только спустя полгода.

– Мне это известно из отчетов, – ровным голосом сообщаю я, ощущая, как по позвоночнику стекают капли холодного пота от бешеных усилий удержать себя в состоянии внешней невозмутимости.

– Тогда тебе должно быть известно и то, что ее обнаружили на следующий день после твоего рождения. А изображение на оттиске перстня, которое имам необдуманно описал Гафару, являлось частью графского герба, принадлежавшего старинному датскому аристократическому роду, из которого происходила Карен Остен. И если бы ты поднял старые выпуски газет со времен, когда она прибыла в Анмар впервые, то смог бы узнать на сохранившихся фотографиях кольцо, подаренное тебе Омаром Камалем.

– Если бы я родился шестимесячным, то не выжил бы, – ожесточенно произношу я.

– Правильно, Джамаль, – кивает Кадер. – Думай дальше.

– В отчётах нет ни слова о том, что Малика была беременна в момент похищения.

– Об этом никто и не знал, кроме короля и его близкого окружения. Махмуд ибн Фахид аль-Мактум запретил вносить эту информацию в архивы даже с грифом строгой секретности. Теперь ты понимаешь глубину его отчаяния после исчезновения беременной жены? Он потерял не только любимую женщину, но и ребенка. Его ярость уничтожила не только причастных к похищению, но и невинных людей, и этих смертей ему до сих пор не простили. У короля много врагов, они повсюду, даже на нашей земле. Король одержим мыслью, что его окружают предатели, и его сложно упрекнуть в предвзятости.

– Почему его... то есть меня, не искали? – оборвав Кадера на полуслове, спрашиваю я.

– Мы нашли обезображенное, объеденное дикими животными тело Карен Остен, Джамаль. Надежды на то, что рожденный ребенок выжил и не был разорван хищниками не было, – жёстким тоном произносит Кадер. Я задерживаю дыхание, отгоняя представленную ужасающую картинку. К горлу подкатывает горький комок, и я сглатываю его, запивая водой из бутылки. Как бы ни было тошно, но мне необходимо, чтобы Кадер говорил дальше. Это поможет собрать недостающие данные, – Мактум тоже ее видел, Джамаль. Он узнал Малику по

волосам и родинке на шее. И, разумеется, экспертиза подтвердила, что останки принадлежат Карен Остен.

– Если Гафар знал, что Малика была беременна, значит он имел отношение к ее похищению, – прихожу я к логичному выводу.

– Виновные нам известны, но, к сожалению, правосудие не всех настигло, – взглянув на циферблат наручных часов, произносит полковник. Этот жест говорит мне о многом. Сжимаю зубы, пытаюсь сохранять невозмутимость. – Кахир аль-Мактум, младший завистливый брат, организовал похищение. Малика отчасти сама навлекла на себя беду. Она убедила Махмуда развернуть масштабную операцию по борьбе с организованной работоторговлей. А те, кто стоял за этим прибыльным бизнесом, не собирались так просто прикрывать лавочку. Торговцам нужны были деньги от продажи живого товара, Кахиру – власть. Интересы сошлись. И те, и другие просчитались, недооценив масштабов ярости и жажды мести Махмуда аль-Мактума. Он уничтожил многих, но не всех.

– Как Малика оказалась в пустыне? – задаю следующий конкретный вопрос. Я замечаю, как на скулах Кадера начинают нервно двигаться желваки, во взгляде проскальзывает подозрение. Моя реакция на озвученную информацию не соответствует его ожиданиям, но отступить уже поздно, он сказал слишком много.

– Деревня, где ее удерживали в одном из домов, подверглась обстрелу военных, Малика воспользовалась всеобщей паникой и сбежала. Это трагическая случайность. Если бы Малика осталась, то, возможно, смогла спастись.

Я отвожу взгляд в сторону, стискивая зубы. Не смогла бы. Она была смертельно ранена.

– Ты не выглядишь удивлённым, Джамаль, – сжимая губы, напряженно произносит Кадер. Я спокойно выдерживаю его тяжелый жесткий взгляд.

– За годы службы я научился логически воспринимать факты, какими бы они ни были, отключив лишние эмоции, – выдаю ровным выверенным тоном.

– Это правильно. Думать всегда надо головой, а не сердцем, – соглашается Кадер, немного расслабляясь, но холодок подозрительности в его глазах еще присутствует.

– Именно это я пытаюсь делать. Есть какие-то лабораторные доказательства и подтверждения моего близкого родства с королем?

– Разумеется, – заверяет Кадер снисходительным тоном, словно я спросил вопиющую глупость. – Все тесты были сделаны еще в первый год твоего обучения.

– Почему ты мне говоришь о моем происхождении только сейчас?

– Я ждал этого вопроса, Джамаль, – Полковник медленно подходит ко мне и забирает пистолет, убирая в кобуру. Я настороженно наблюдаю за его действиями, пытаюсь предугадать, какую версию выдвинет Таир, чтобы убедить в правильности своих действий. – Я уже говорил, что у короля много врагов и еще больше недовольных его правлением. Показания Гафара дали понять масштаб преступной организации, называемой «Шатрами Махруса», и если ему было известно о том, что первый сын короля выжил, то знают и те, кто стоят на ступень выше. Они могут оказаться кем угодно. Министрами, членами королевской семьи, шейхами, имеющими колоссальное влияние в своих провинциях. Люди ради денег и власти готовы на все, Джамаль.

– То есть ты защищал меня, скрывая правду? – вырывается у меня скептический вопрос.

– Именно так, Джамаль. Я вырастил из тебя солдата, борца с правильными приоритетами. Ты предан своей стране и знаешь о ней больше, чем выращенные под юбками матерей сыновья Мактума. И со своей стороны я сделаю все, чтобы ты занял место, которое полагается тебе по закону...

– Хочешь посадить меня на трон? – ухмыляюсь я. – А что думает об этом руководитель АРС?

– Старый генерал держится на своем посту, только благодаря протекции короля, – фальшиво улыбается Кадер. – Он неплохо послужил нашей стране, но его время ушло. Генерал

Амин Башар не имеет ни малейшего отношения к секретной информации о твоём происхождении.

– В отличии от премьер-министра? – высказываю я ещё одно подозрение.

– Советник поддерживает мое решение, но ему необходимо убедиться в том, что тебе можно доверять.

– Многие в курсе, я посмотрю, кроме отца и сына, – мрачно замечаю я, игнорируя последнюю часть реплики Кадера.

– Теперь ты тоже знаешь, Джамаль, – сурово произносит Кадер.

– Да, – опускаю взгляд на свои руки, непроизвольно сжатые в кулаки. На запястьях краснеют следы от металлических браслетов. Вот она истинная зарисовка действительности и реальных мотивов Кадера. Он стоит напротив полностью одетый, расслабленный, уверенный в собственной неуязвимости, а мои ноги до сих пор скованы, и я по-прежнему абсолютно голый. Это тонкий психологический ход с его стороны. Полковник даёт мне понять, кто управляет ситуацией.

– Почему сейчас? – повторяю вопрос, на который так и не услышал конкретного ответа.

– Обстановка в стране накаляется. Наследный принц молод, но не глуп. Он точно знает, чего хочет, и имеет мощную поддержку в обществе. Выдвигая либеральные идеи, резонирующие с жесткой политикой отца, Искандер привлек на свою сторону пострадавшие от действий аль-Мактума провинции и регионы. Существует ещё одна серьёзная причина, Джамаль. Король серьёзно болен. Диагноз был поставлен три года назад, и тогда врачи прогнозировали восемь-десять лет жизни, при условии качественного лечения. Но сейчас состояние Махмуда резко ухудшилось. Учитывая, что информация о его заболевании засекречена, объяснять вспышки гнева на публике становится все сложнее. Как видишь, у нас не так много времени, Джамаль.

– А теперь расскажи мне про условия, – хрипло произношу я, анализируя услышанное.

– Какие условия? – настороженно уточняет Таир.

– Что я должен сделать, чтобы стать официальным наследником Махмуда аль-Мактума?

– Мне всегда импонировал в тебе трезвый подход к делу, Каттан, – удовлетворённо отвечает Кадер. – Для начала мы должны избавиться от угрозы международного конфликта, которую представляет собой Ильдар Видад. Сам факт того, что младший брат пример-министра замешан в работорговле бросает тень на короля и его окружение. Если американцы вывезут его, и он даст показания о своей совместной деятельности с Шатрами, подкрепив это документальными данными, записями, схемами перевозки, списками покупателей и поставщиков – это будет началом колоссального резонанса. Ильдар ненавидит брата, он начнет называть имена тех, кто когда-то перешел ему дорогу, и ему поверят. Сукин сын готов на все, чтобы прикрыть свой зад.

Здесь сложно оспорить. Во всем, что касается Ильдара Видада я абсолютно согласен с Кадером. Ублюдок заслужил приказ на физическое уничтожение. И кому, как не мне, в течение полугода наблюдающему за ним в Нью-Йорке не знать этого? Ильдар Видад никогда не стремился к власти, хотя Дамир пытался пристроить его в Правление. Какое-то время Ильдар проработал на административной должности в Правительстве, но не срослось. Его больше интересовали женщины, развлечения, путешествия. Отец братьев владел гостиничным бизнесом, но после отделения Кемара, понес серьёзные потери. Некоторые отели остались за пределами Анмара и, разумеется, перешли в руки новой власти. А то, что осталось здесь Ильдар благополучно спускал на ветер. Несмотря на то, что братья не ладили, но Дамир не раз вытаскивал Ильдара из неприятностей, и когда тот вдруг всерьёз занялся семейным бизнесом, тогда уже действующий советник аль-Мактума вздохнул с облегчением. Вероятно, в этот момент Ильдар и сошёлся с людьми, имеющими отношение к Шатрам или чуть позже, когда устав от управления отелями, рванул в Америку и создал там модельное агентство, дорвавшись до

ниши, которая его интересовала больше – красивые, доступные девушки, приносящие ему прибыль не только позированием для журналов и на подиуме. Для прикрытия занялся благотворительностью, организовал центр для реабилитации детей и женщин. Некоторым действительно помогал, а других заставлял работать на себя, превращая в дорогих шлюх. Выдала его связь с «Ядовитым любовником», к которому он отправлял девушек, впоследствии обнаруженными убитыми. А дальше клубок раскручивался все сильнее. Выяснилось, что кастинг на набор моделей часто заканчивался для некоторых красавиц, мечтающих стать супермоделями, путешествием в Анмар, где те предавались руки работорговцев и продавались на аукционах за бешенные деньги. Ильдар получал процент, который и составлял большую часть его прибыли. Несомненно, у него может находиться информация о внутренней структуре Шатров, но допускать ее разглашение за пределы Анмара нельзя. Проблему работорговли необходимо решать на местном уровне. Вопрос в том, почему до сих пор Шатры Махруса практически беспрепятственно осуществляют свою деятельность.

– Я избавлюсь от него от Ильдара и не допущу утечки данных. Мне необходима подготовленная группа и надежное прикрытие, – уверенно заявляю я. Какое-то время Кадер хранит молчание, обдумывая мои слова.

– Откуда ты знаешь, где его искать? – задает резонный вопрос, к которому я подготовился заранее.

– Я оставил мисс Доусон подарок с жучком внутри. Позволишь мне возглавить операцию, и я избавлю тебя от проблемы в ближайшее двенадцать часов.

Кадер складывает руки за спиной, пристально глядя мне в глаза. Несколько шагов назад вперед по узкой камере, и наконец, он принимает правильное решение.

– Хорошо, – кивает Кадер. – Я дам тебе группу и назначу старшим. Но ты должен понимать, это будет последнее задание, Джамаль. Экзамен на верность. За каждым твоим шагом будут наблюдать. Я тщательно проверю и проанализирую все твои действия при выполнении. Ты должен понимать, что сейчас твое будущее зависит исключительно от тебя самого. Малейшая ошибка может перечеркнуть все, чего мы добились на сегодняшний момент.

Глава 1

«– Помнишь, у Хемингуэя в „Прощай оружие“ Кэтрин перед смертью просила Фредерика не говорить „наши слова“ другим женщинам? Это важно, Мэрилин. Это очень важно – не говорить другим „наших слов“. Надеюсь, ты это понимаешь.»
Артур Миллер к Мэрилин Монро

Наши дни. США, Нью-Йорк

Рика

«Мисс Доусон, хотите сказать, вы не в курсе, что поддерживаете ежедневный контакт с наследником Анмара?»

Сказать, что этот вопрос, заданный Стефаном Смитом мне только что на жестком допросе, который устроили мне «боссы» отдела национальной безопасности, парализовал меня, поверг в шок, окатил ледяной водой с головы до ног, заставив нервно дрожать и обессиленно сжимать кулаки, находясь под прицелом соколиного взгляда моего бывшего начальника, значит – не сказать ничего. Последний час жизни был одним из самых унижительных эпизодов, какие только довелось пережить за минувшие годы. Даже проклятый аукцион в «Шатрах Махруса» и вывод на торги в шеренге других девушек показался мне приятным мероприятием, по сравнению с «моральной экзекуцией» в некогда родных стенах штаба.

Подумать только: члены организации, которую я всегда считала своей семьей, отдушиной и смыслом жизни, допрашивали меня, как последнюю предательницу нации, опасную террористку, способную разжечь международный конфликт, шпионить для другой страны, только потому, что я общаюсь с мужчиной, которого считала хорошим инструментом для достижения своей благой цели, ну и просто интересным человеком, с которым мне комфортно проводить время, встречаться и избавляться от жутких воспоминаний о путешествии в Анмар, которое стало серьезным испытанием для моей психики.

Осуждающие взгляды, приглушенный шепот в мою сторону... нет ничего более оскорбительного, чем неоправданные стрелы презрения, выпущенные в спину. Я бы нашла что ответить каждому, кто бы посмел обвинить меня в предательстве напрямую – каждый из присутствующих на допросе свято верил в то, что я нахожусь в сговоре с Искандером Аль Мактумом и передаю ему бесценную информацию, не подлежащую разглашению.

К слову, до сегодняшней пытки я понятия не имела, что «биржевой инвестор», кем он представился, Дерек Мак, на самом деле наследный принц Анмара, а по совместительству – еще один наглый лжец, которого я притянула к себе. Подлецы и подонки врываются в мою жизнь без приглашения, буквально срывають дверь с петель, и мне стоит перестать этому удивляться и задуматься, почему я являюсь «лакомым кусочком» для двуличных мужчин.

После прямого вопроса Смита я долго приходила в себя, сквозь вату слышала хриплый голос отца, в который раз вынужденного меня оправдывать и защищать перед своими коллегами. Дурное предчувствие сковало грудь ледяными иглами и, кажется, я две минуты просто молчала, не в силах произнести оправдательную речь – я будто наглоталась сухого песка. Из долбанного Махруса. Из чертового Анмара, постоянно напоминающего мне о себе и о том, что

значит для меня эта страна, мой дом в прошлом, а в настоящем – место, где я оставила осколок своей души. Осколок, за которым не должна возвращаться.

Джамаль. Нуждаешься ли ты во мне так же сильно?... Думаешь ли каждый день о своей Эйнин перед тем, как закрыть глаза? Я думаю и вспоминаю... не могу избавиться от тебя, выкорчевать из сердца, вырезать, испепелить и уничтожить... как бы ни пыталась. Помню все до мелочей, могу вновь и вновь погружаться глубоко в наши воспоминания, воспроизводить моменты близости до мельчайших деталей. Зачем я это делаю? Должно быть, я мазохистка. Я скучаю, безумно, если бы ты только знал, насколько... до боли в сердце, до оглушительного и отчаянного крика, от которого сотрясаются стены души и режет горло. А ты скучаешь по мне, мой асад, получая удовольствие, вдохновение, покой и безмятежность в объятиях и поцелуях других женщин?

Конечно, я тоже небезгрешна. Все это время, что Дерек Мак ухаживал за мной, я благосклонно принимала его приглашения на свидания, охапки цветов и другие жесты внимания, которые мужчина оказывает мне на протяжении последних двух недель. На самом деле мы довольно сильно сблизились, вместе работая над моим будущим проектом – той самой школой для брошенных и попавших в трудную ситуацию детей, которая станет для них не тюрьмой-интернатом, а настоящим домом. Дерек заверил меня в том, что поможет мне найти других спонсоров, и сам пожертвовал десять миллионов долларов, что и стало стартовым капиталом, фундаментом, заложенным для возведения счастливого будущего для сотен детских судеб. От одной мысли о том, что я ступила на дорогу, что приведет меня к моей истинной мечте – помощь людям не через войну, а мир, мое тело покрывается мурашками, а сердце в груди поет, будто становится больше от счастья и предвкушения великих событий. Теплота, согревающая меня изнутри, заполняет все пространство невыразимой тоски по Джейдану. Но я люблю эту боль, толкающую меня на действия. Если бы я так не стремилась забыть и отпустить его, я бы не делала все возможное, чтобы заполнить кровоточащую бездну, которая образовалась там в день, когда я в последний раз проводила его истекающее кровью тело замыленным пеленой слез взглядом.

Ведь это то, чего я действительно хочу – быть полноценной, наполненной личностью и идти по жизни, находясь рядом с таким же мужчиной. За последнее время многое изменилось во мне, и я уже не мечтаю быть сильной, находясь в отношениях, больше не хочу быть роковой ищейкой, роль которой приходилось играть целые годы службы. Я имею в виду лишь то, что не хочу впадать в зависимость от любимого, чувствовать себя «половинкой целого» без него. Теперь, когда страсть к Джейдану едва меня не разрушила, я понимаю, что ищу мужчину, с которым мы будем служить друг другу, нашей общей цели и миссии.

Когда я узнала, что Дерек заинтересован в том, чтобы помочь мне со школой, сопоставила наши характеры и схожие взгляды на жизнь, я вдруг поняла, что он – неплохой вариант, достойный человек, с которым у меня сложится замечательное будущее при условии, что я отпущу Джейдана в своих мыслях и не буду находиться на грани истерики и агонизирующей ревности, когда представляю его в постели, в том самом доме, который он построил для меня в окружении других женщин. Мне даже жаль, что мой нрав, гордость и упрямство, вся моя суть даже не допускают мысли о том, чтобы *быть третьей...* ни первой, ни второй я быть не хочу, не умею. «Все или ничего» – мой девиз, к сожалению.

Ты весь мне нужен, Джамаль, только мой, начиная от подушечек сильных, длинных пальцев, заканчивая ирами, которые навсегда скрыл замысловатыми символами. Я хочу быть единственной, кто знает о них, и о тех, что спрятаны куда глубже, чем поверхность кожи.

От такого, как Дерек, я никогда не стану зависима, и в то же время он воплощает в себе многие из качеств, которые привлекают меня в мужчинах. Достойный и сильный «кандидат» по всем параметрам: заботливый и щедрый, целеустремленный и сильный, несомненно обладаю-

щий дальновидностью и высоким интеллектом. Давно заметила, что «его высочество» бывает холодным, отчужденным и даже надменным – я старалась не придавать недостаткам Дерека значения, а теперь понимаю, откуда дует ветер – прямоком из королевского дворца, расположенного в Асаде.

Вчера, когда мы вместе сходили на премьеру нового Бродвейского мюзикла, я впервые за время нашего знакомства позволила ему чуть больше, чем следовало бы. Если раньше наше прощание скреплялось целомудренным поцелуем в губы и дружеским объятием, то вчера... За это «чуть-чуть» один хладнокровный солдат с глазами цвета индиго свернул бы Искандеру шею, а меня бы швырнул на плаху, но не для того, чтобы казнить мгновенно – а для того, чтобы наказывать: долго и мучительно.

Я знаю Джейдана. Вся его суть в моменты, когда Видад бросал на меня голодные взгляды в том злосчастном номере отеля «Океан», отвергает даже вероятность того, что я могу принадлежать другому мужчине. Я до сих пор помню, как ощущала собственнические волны, исходящие от Джамала, что накрывали меня щитом уверенности в том, что с ним я в безопасности, а Видада повергали в паническое состояние, заставляя его выглядеть так, словно он находится в раскаленной до ста градусов сауне.

Несмотря на это, я позволила себе попробовать ощущать, прикасаться, чувствовать Дерека. В тот момент, когда мы целовались в машине, я фактически начала испытывать к нему чувства, видеть в нем мужчину... и зачем, спрашивается? Для того чтобы узнать, что он лжец, который наверняка собирается использовать меня в своих интересах и целях и разочароваться?

Слишком быстро я возвращаюсь в положение недальновидного агента, которая даже не знает, как выглядит принц Анмара. Наследников, насколько я знаю, двое, и я никогда не придавала значения их сложным полным именам... да и фотографии принцев изучать не доводилось.

Несмотря на ледяной ветер, что дует с Гудзона и намеревается превратить мои волосы в мочалку, а губы в змеиную кожу, лицо у меня пылает огнем, кровь пульсирует в висках, вены на лбу вздуваются от пережитого стресса и казни на полиграфе. Я до сих пор не могу отойти от того, что услышала на допросе, и остыть после пережитого унижения. Меня как в болото с дерьмом и грязью окунули.

Мы с Дерекком должны были поужинать сегодня вечером, и он взял с меня обещание, что я позвоню, как только освобожусь после «встречи с рекламодателями». Кажется, я должна была сделать это еще полчаса назад, как только покинула здание штаба, и, судя по вибрации телефона в кармане пальто, мистер Мактум устал ждать моего звонка и решил взять инициативу в свои руки. Осознание того, что сам принц Анмара ищет со мной встречи, будто одержимый, с одной стороны льстит и будоражит сознание, а с другой – заставляет задуматься об истинных мотивах Искандера. Что-то мне подсказывает, что я являюсь не объектом его воздыхания, а чистым намерением, изначально намеченной целью. Но как узнать наверняка, что ему нужно на самом деле? Почему я?!

Достаю телефон из кармана и, скептическим взглядом пробежавшись по высветившейся на экране фотографии Дерека, уверенным движением смахиваю пальцем в сторону «отключить вызов». Поднимаю руку вверх, привлекая внимание ближайшего таксиста, и следующие полчаса провожу в пробке, направляясь в свою квартиру на Манхэттане. Звонки Дерека не прекращают насилия над моим телефоном. Стоит заметить, что такая беготня за девушкой не совсем характерна для поведения принца. Мужчины такого уровня привыкли к другому отношению, а значит Искандеру аль-Мактуму нужна не я, а нечто куда более ценное для него.

Информация.

Наша встреча не была случайной. Что, если меня вновь хотят сделать пешкой в большой игре? Все эти знаки внимания, широкие жесты симпатии от принца – игра со стороны Дерека,

способ войти в круг доверия. Учитывая версию, что Видад был связан с наследником, этот вариант актуален как никогда.

«— Деятельность Шатров прикрывается премьер-министром? Поэтому группировка до сих пор существует, несмотря на ожесточенную борьбу? Ты сотрудничал с работниками с позволения Дамира? Кто еще задействован? АРС, Правительство? Искандер аль-Мактум? Наследник? Я угадал? В чем его выгода? Или он и есть твое прикрытие?» – вспоминаю обрывки фраз, которыми Джейдан закидывал Видада в спальне отеля «Океан», пока я не находила себе места, сотрясаясь от ужаса в другой комнате.

Я думала, что хорошо разбираюсь в людях, полагала, что без труда вычисляю лжецов и манипуляторов, особенно когда мой разум не затуманен страстью и влюбленностью, как в случае с Престоном. С другой стороны, могу с уверенностью сказать, что интерес Дерека к моей персоне, как к женщине – не поддельный. Его горячие взгляды, полные влечения и жажды, искры, полыхающие за прозрачной гладью радужки льдисто-голубых глаз более чем красноречивы.

Женщины всегда ощущают, когда мужчины смотрят на них как на добычу, сексуальный объект.

Вопрос лишь в том, какие цели у Дерека помимо той, что стала мне очевидна вчера в машине.

И почему я была так беспечна, не проверив его сразу?

Ах да, это же я влюбилась в человека, который оказался женат. И он тоже был со мной вполне искренен, как мне казалось. Почему судьба вечно толкает нас на одни и те же грабли? Будто хочет, чтобы мы прошли через определенные уроки и перестали, наконец, ошибаться... да только мы не всегда в силах распознать эти уроки, потому что не слышим голос своей души.

И этот голос просил меня, чтобы я осталась с Джейданом. Там, на земле. В засушливой пустоши, где он в последний раз произнес мне нашу с ним клятву: «Если суждено, я выживу и найду тебя».

Разум же находится с сердцем в постоянном конфликте и знает: Джейдан – опасный человек, в первую очередь он идеальный солдат АРС, который всегда будет действовать исключительно в интересах своей «семьи».

Очередной порыв промозглого ветра, атакующий мое лицо и укладку, как только я выхожу из такси, заставляет меня инстинктивно поднять ворот пальто и ускорить шаг в сторону входа в жилой комплекс, где расположена моя городская квартира. В тот момент, когда пальцы нащупывают в сумочке ключи от домофона, я вздрагиваю всем телом, реагируя на знакомый, окликающий меня голос, и ощущаю в груди перебойный стук сердца.

– Рика, в чем дело? – с силой сжимаю веки и, поджав губы, мысленно жалею о том, что не успела скрыться внутри здания хотя бы минутой раньше. Твердые и уверенные шаги Искандера застают меня врасплох настолько, что я роняю только что найденные ключи на асфальт и прежде чем успеваю наклониться за ними, чувствую, как мое плечо сжимает сильная мужская рука, пресекающая попытки бегства. Мое тело начинает содрогаться от новых ледяных потоков воздуха, в то время как Дерек разворачивает меня к себе легким и уверенным движением. Мой взгляд встречается с льдисто-голубыми, кристально чистыми глазами Дерека, что смотрит на меня оценивающим, долгим, мучительным взглядом, требующим от меня ответов. Мне нечего сказать этому новоявленному принцу Анмара, по крайней мере сейчас, пока эмоции после допроса не утихли, и с моих губ так и норовят сорваться претензии и упреки.

– У нас был запланирован ужин, – надменные нотки, сталью звенящие в его низком голосе, стали более различимыми и явными, теперь, когда я понимаю, кто он на самом деле. Беглым взором изучаю лицо Искандера, словно вижу его в первый раз: вот он, принц из сказок «Легенды Анмара», но внутреннего восторга и трепета от возвышающегося надо мной голубоглазого Аладдина я не испытываю.

Мой любимый контраст: смуглая кожа, светлые глаза, темные волосы. Типаж один, но он совершенно не похож на Джейдана, наверное, потому, что я с девяти лет считаю асада самым уникальным и красивым мужчиной на Земле. Даже если его лицо будет изуродовано шрамами, полученными на службе, даже когда его кожа покроется глубокими морщинами, а от заостренных скул и чувственных губ останутся лишь воспоминания, он останется для меня идеальным творением, созданным... для меня.

Но я не увижу Джейдана глубоко старым и даже в зрелом возрасте просто потому, что нам не суждено провести жизнь рука об руку. Мактуб, что связал нас, ошибся... что-то пошло не так. Наверное, в следующей жизни нам будет дано все это исправить и попытаться счастья, ну а пока...

– Ты и я. Нас ждет японская кухня. Я тебя обидел? Может, не понравились цветы? – сдержанным тоном интересуется Искандер, и перед моим внутренним взором всплывает образ шикарного букета из гортензий пастельных оттенков, который я была намерена выбросить в мусоропровод, когда терпела «порку» от начальства.

– Я не люблю, когда мне лгут, Дерек, – с вызовом в голосе чеканю я, бросая уничтожающий взгляд на ладонь Искандера, накрывающую мое плечо. – А точнее – *Искандер Аль Мактум, принц Анмара*, – агрессия, с которой произношу его настоящее имя, заставляет воздух между нами завибрировать. Черты лица принца мгновенно меняются – скулы становятся более впалыми, веки сужаются в оценивающем меня и презрительном прищуре, но лишь на мгновение. – Когда вы собирались сказать мне об этом, ваше высочество? – язвлю я, и в этот момент из жилого комплекса выходит молодой парень, открывая мне доступ в здание без ключа, и как только я порываюсь войти внутрь, Искандер усиливает хватку на моем плече, заставляя замереть.

Не многим мужчинам удастся поставить меня на место, но у него определенно есть потенциал.

– Пусти, я сказала, – настаиваю я, пока он молчит, переваривая новость о том, что я теперь знаю часть правды.

– Не пойдешь ты никуда, – с твердой уверенностью в голосе заявляет Дерек. – Успокойся. Какое значение имеет кто я такой, Рика?

– Ты серьезно это спрашиваешь? За дуру меня держишь? Хочешь сказать, ты не знаешь, кто я такая? И встретились мы случайно?! Отпусти меня! – вспыхиваю я, пытаюсь сбросить его мощную ладонь со своего плеча. Вскидываю руки, которые Дерек ловит в воздухе, сдавливая в сильных кулаках тонкие запястья. Несколько секунд мы сражаемся, используя в битве лишь полные непонимания и гнева взгляды. Дерек прижимает меня к стеклянной двери, его ладонь обхватывает покрытый бусинками пота затылок, один быстрый рывок – и он сжимает мои губы своими, силой врывается в рот языком и, зафиксировав мою голову в неподвижном состоянии, фактически насильно выхватывает из меня ответ на свой горячий, требовательный, не терпящий отказа поцелуй.

Это могло бы быть сильно, эмоционально, умопомрачительно горячо, если бы не было бы так больно.

Легкие пустеют и вспыхивают изнутри, атакуемые агонизирующим пламенем. Губы Искандера, без перерыва на вдох обхватывающие и впивающиеся в мои, ощущаются неправильно. И чем приятнее и глубже становится наш поцелуй для моего тела, тем тяжелее и противнее становится в душе: сегодня я «предательница» не только своей страны, но и человека, которому хочу принадлежать по-настоящему. Я чувствую, как все внутри отвергает сейчас вторжение Дерек в мое личное пространство, но спустя несколько секунд сама отвечаю принцу на поцелуй, вторгаясь языком в его рот, жадно и порывисто пробуя момент страсти на вкус, ворую дыхание Дерек... мои руки скользят по сильным мужским плечам, кончики пальцев ощущают шершавую ткань дорого костюма, обонятельные рецепторы улавливают аро-

мат нишевого парфюма, который мне определённо нравится... но тело не обмануть, и сквозь дымку искусственных запахов я ощущаю аромат его кожи: мои губы просто обессилело замирают, желудок неприятно скручивает в стальной узел после того, как до мозга наконец доходят сигналы, трактуемые моим организмом как самоуничтожающиеся действия.

Это не он.

Я не могу, не хочу быть ни с кем другим...

Но Джамаль может. Он спит со своими женами, трахает их, возможно, прямо сейчас, называя каждую данным им особенным именем.

– Вот это сильно, Эйнин. Эйнин, Эйнин... – набатом стучит в висках его голос, а в теле импульсами воспоминаний вспыхивают ощущения, испытанные в тот момент, когда я впервые ощутила его вызванные мощным оргазмом толчки внутри себя.

Стоп. Хватит.

Почему ты не можешь как он, Рика? Ты можешь, еще как, имеешь право. Ты свободна. И ты *будешь* с другим мужчиной. Нужно принять это, нужно открыться другому... свет не сошелся клином на синеглазом асаде, и ты должна перестать искать в жизни пути, которые сведут вас снова. Их нет.

– Ты сейчас пойдешь со мной на запланированный ужин, – с неохотой отрываясь от моих губ, Искандер замирает, отдав приказ срывающимся шепотом. – Я заказал столик, нас ждут, крошка. Обещаю, что отвечу на все твои вопросы.

– А если я откажу? – протестую я, упираясь раскрытыми ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть от себя самого Искандера аль-Мактума, который наверняка не привык к подобному пренебрежительному отношению со стороны женщин.

– Тогда мне придется увезти тебя в Анмар силой, – его губы раздвигаются в ехидной усмешке. – Через пару дней я уезжаю, Рика. И я не хочу терять тебя. Если ты боишься раскрыть мне некоторые из своих тайн, поспешу успокоить: я знаю о твоей бывшей работе, но не она стала причиной моего интереса к тебе.

– Думаешь, я поверю? – возвожу глаза к небу, горько усмехаясь. – Что тебе нужно от меня? Что, Дерек? Я ничего не знаю, и, если ты хочешь устроить мне очередной допрос..., – сильнее отталкиваю его я, отворачивая лицо в сторону. Властным движением он обхватывает мой подбородок и заставляет посмотреть на него.

– Никакого допроса не будет, Рика. Я просто открою тебе правду о причинах нашего общения. Я и так хотел это сделать.

– Твоя правда неактуальна, Дерек. Я все равно тебе не верю. Этот ужин станет для нас последним. Скажи «спасибо» за то, что я действительно голодна, – отстраняясь от Искандера, бросаю на него испепеляющий взгляд. Искандер держится достойно и воспитанно – никакой агрессии, оскорблений в ответ на мои неуместные выпады в сторону наследника. Лишь собранная в кулак воля, расправленные плечи и твердость намерений ассоциируются с его отстранённо-гордым образом.

– Мы оба знаем, что он не будет последним. Я сделаю тебе предложение, от которого, я думаю, ты не сможешь отказаться, – интригующим голосом заявляет Дерек и, опускаясь на ступеньку ниже, подает мне руку, другой указывая в сторону своего obsidianового цвета Bugatti.

Нервно выдыхаю, стараясь сбросить с себя необъятный груз, камнями заполнивший пространство грудной клетки. Душу сковывает тревога и предчувствие непоправимого... но соглашаюсь и уже через минуту опускаюсь в удобное кресло роскошного автомобиля, принадлежащего принцу.

Мне не очень комфортно находиться в столь интимной обстановке с Искандером сейчас, когда я понятия не имею, чего от него ждать. Должно быть, после тяжелого дня у меня развивается паранойя, но в каждом движении, жесте и слове Дерек я вижу двойное дно, мысленно

пытаясь угадать, что за «предложение» он хочет мне сделать. Принц тем временем выкладывать карты на стол не торопится и медленно изучает японское меню, предварительно заказав нам бутылку вина.

Я с нетерпением жду ответов на терзающие меня вопросы, принимая закрытую позу: руки на груди скрещены, подбородок высоко вскинут. Ресницы слегка опускаю, стараясь даже не смотреть на Искандера, оттягивающего начало дискуссии. Мы посещаем этот японский ресторан не в первый раз: не самое популярное место в районе Сохо, но определенно одно из самых лучших для романтических свиданий. Редкое вино, изысканные блюда и атмосфера полного уединения, создающаяся благодаря тому, что просторный зал ресторана поделен на небольшие зоны, скрытые от посторонних взглядов широкой портьерой – сегодня нам досталась кабинка с красной тканью и черным иероглифом, символизирующим «страсть». Откинувшись на мягкие подушки, останавливаю взгляд на хрустальном подсвечнике в виде распустившегося лотоса и погружаюсь глубоко в себя и свои воспоминания, наблюдая за волнообразным пламенем свечи... мне бы определенно здесь нравилось, если бы все эти «занавески» и приглушенный свет не напоминали мне шатры, установленные в одноименном лагере пустыни Махрус.

– Обожаю Нью-Йорк за то, что тут можно каждый день наслаждаться кухней разных национальностей, – издалека начинает Дерек, на что я отвечаю ему истребляющим взглядом. Едва заметным жестом он поправляет часы на своем запястье, из чего я делаю вывод, что Искандер нервничает не меньше меня.

– Я согласилась поужинать с тобой не с целью обсудить достоинства этого города и разнообразие ресторанов. Я хочу знать, – уверенно заявляю я, наконец обращая на него прямой и открытый, испытывающий взгляд. – Почему я? Что тебе нужно? Или перейдем на «вы», ваше высочество? – мне плевать, что я подстебываю самого принца Анмара. На этой земле он не принц, а у меня слишком дурное настроение, чтоб играть в легкую и вежливую «девочку-девочку». Огнедышащая стерва возвращается, мать вашу. Не разрывая зрительного контакта с Дерексом, я обхватываю ножку бокала с красным вином подушечками пальцев и прокручиваю ее между ними.

– Перестань, Рика. Давай без этих формальностей. Мне нравится твой характер. Все мое окружение обращается ко мне как подобает этикету, и мне это порядком наскучило. Здесь я расслабляюсь. С тобой я почувствовал себя... свободнее, чем в Анмаре, – Искандер аль-Мактум накрывает мои пальцы ладонью, и в тусклом свете свечи я замечаю на одном из них слабый след от кольца Джамалия, которое все это время бережно хранила у сердца. Сейчас я ношу его на шее, и оно скрыто от посторонних глаз шелковой жемчужного цвета блузой.

– Ты была замужем? – вдруг задает вопрос Дерек несмотря на то, что кольцо Джейдана я носила не на безымянном пальце.

– Нет. А ты? – сухо отвечаю я, а про себя думаю, что мне стоило задать этот вопрос Джамалию еще тогда, когда мы впервые встретились в картинной галерее.

– Нет, Эрика. Но если я и женюсь, то на единственной – ответственности мне и без брака достаточно. Мое положение требует огромной отдачи стране, семье, и в будущем мне бы не хотелось разрываться между женами, каждая из которых требует одинакового внимания. Сама понимаешь, последующие жены всегда недовольны тем, что первая жена считается старшей, главной и...

Он знает. Он знает про Джамалия... и про нас? Иначе к чему эти слова?!

– Мне можно идти? Или перейдем к делу? – обрываю его монолог я, замечая, как черты лица Искандера искажаются порывом гнева и раздражения. Мгновенно разглаживаются, когда он вновь нацепляет на себя бесстрастную маску миротворца.

– Твой нрав пленителен. Смелая, открытая, дерзкая, – большой палец Искандера скользит по костяшкам моих. – Я приехал сюда с единственной целью – предотвращение намечающейся войны в своей стране.

– И как это связано со мной? Значит, ты не отрицаешь того, что наше знакомство не было случайным? Почему я – твоя цель? Не тяни. Что ты хочешь от меня узнать?

– Да, Рика, естественно, наша встреча не была случайной. Но это не значит, что я не одобряю твои идеи, как и не означает, что мое отношение к тебе, как к интересной и привлекательной девушке, неискренне, – с акцентом продолжает принц, выражаясь сложными для английского языка фразами. – Признаться, целей у меня несколько. И поскольку мне известно об операции АРС и какую роль сыграла в ней ты, я хочу знать и видеть полную картину того, что произошло несколько месяцев назад. Я хочу знать, известно ли тебе то, что хранил в себе уничтоженный АРС и преступником Джамалем Каттаном носитель? Учитывая то, что вы некоторое время находились вместе и были близки, – Искандер бросает на меня красноречивый взгляд, от которого кровь мгновенно приливает к моим щекам и шее. Бесстыдные картинки, горячие признания, эмоциональные ссоры... достаточно одного триггера, короткого импульса, чтоб все это вновь закружилось в киноленте воспоминаний. – Он мог раскрыть тебе некоторые факты, которые мне необходимы для того, чтобы установить правила своей игры, нацеленные на избежание войны, Рика. Я хочу для Анмара только самого лучшего, чтобы достичь гармонии, я мечтаю избавиться от «Шатров Махруса» раз и навсегда, как и от прогнившего АРС, который стоит за всем этим на самом деле. Меня не устраивает их деятельность и штаб, состоящий из предателей страны, жестоких и беспринципных людей, для которых играют роль лишь власть и деньги. Это важно, не спору. Но разве такой ценой?

Что? «Шатры Махруса» – деятельность АРС?

– Что бы ты ни сказал мне сейчас, это может оказаться ложью, – одергивая ладонь, я шокирую принца следующим заявлением: – А как насчет того, что мне известно, что ты состоял в сговоре с Ильдаром Видадом? – я высказываю одну из версий как истинную, чтобы отметить реакцию Искандера, сохраняющего полное самообладание и спокойствие. Он кажется действительно здравомыслящим и уравновешенным мужчиной, во главе с которым Анмар и Кемар наконец встанут на путь к процветанию. Но первому впечатлению доверять не стоит, психологическая обработка его портрета и жестов также не дает мне верных ответов. Искандер аль-Мактум умен и собран, и докопаться до правды будет очень непросто. – Откуда мне знать, что ты не лжешь, когда говоришь, что АРС стоит за организацией «Шатров», не покрывая тем самым свои собственные «грехи»?

– Рика, очнись, – железным тоном произносит Искандер, глядя на меня так, словно перед ним сидит несмышлёная школьница. – АРС уничтожили свидетеля и информацию, которая должна была пролить свет правды на виновного в процветании этой гнилой пирамиды по торговле живыми людьми! – Искандер повышает голос, густые и темные брови сдвигаются к переносице, образуя на лбу две перпендикулярные морщины. – Я действительно сотрудничал с Ильдаром Видадом. Но фактически договор не успел состояться. Я планировал отплатить ему политическим убежищем взамен на данные: доказательства вины АРС во главе с Таиром Кадемом. Не смотри на меня так, Эрика, – обращается с просьбой Дерек, оценивая тревожным взглядом мой растерянный вид. – Джамаль Каттан – верный пес АРС, не более. Он также следует интересам своей организации, как бы тебе ни хотелось отрицать этот факт. Тебе ли не знать, как это работает? Агенты слепы, у них не развито рациональное мышление по отношению к своей «вере» – в данном случае по отношению к АРС. Джамаль Каттан – опасный преступник, который и осуществил уничтожение доказательств. Он в курсе всего происходящего, Эрика. Он знает всю схему изнутри, я в этом уверен. Это ты хотела услышать от меня? Меньше всего я хотел, чтобы находящийся в нестабильном состоянии отец развернул войну, поэтому был вынужден пойти на крайние меры, чтобы остановить его, Дамира и АРС... мне жаль, что

для тебя это выглядит иначе, – я не могу вымолвить в ответ ни слова, ощущая, как поступление новой информации собирается плотным комом в горле. – Но смею заверить, что моя совесть чиста: ты вскоре сама убедишься, что «Шатры Махруса» – деятельность АРС и действующего правительства, а активная борьба с организацией – лишь прикрытие для ее процветания, Эрика. Как думаешь, существовали бы «Шатры» до сих пор, если бы у столь прокаченных солдат и агентов АРС действительно стояла цель их уничтожить? Ты и сама понимаешь, что нет. Это невозможно. Они только создают иллюзию борьбы, играют в защитников, помогая советнику, верхушке АРС и, возможно, даже моему нестабильному и нездоровому отцу срубить миллионы на жизнях невинных. Как тебе такой расклад, Рика? Достаточно исчерпывающий ответ на твой вопрос? – официант давно принес нам горячие блюда, но за напряженной беседой мы с Искандером давно забыли про содержимое тарелок, и сейчас смотрим друг на друга сканирующими взглядами, будто это поможет нам прочесть мысли друг друга.

– Я не знаю, что сказать... – растерянно шепчу я, пока не в силах принять то, как быстро все меняется. И кем является Джейдан, если все сказанное Искандером – правда. Чудовищем. Настоящим чудовищем, поддерживающим деятельность людей, которые хотели продать меня в рабство. Которые украли Эмилию и, возможно, уже на сегодняшний момент испили ее душу досуха. Или убили... убили мою маленькую, напуганную девочку.

– Я все понимаю, Рика. Чувства – ужасный недостаток для любого агента. Даже бывшего. Тебе трудно поверить в то, что Каттан – истинное отродье Шайтана. Но...

– Ты слишком много знаешь о моей настоящей профессиональной деятельности, – отрезаю я, не опуская с него подозрительного взгляда.

– Это нормально. Я давно понял, что АРС – не те люди, которым я смогу доверять, и сформировал свои информационные каналы и собрал вокруг себя тех людей, которые верны мне, а не отцу и советнику. Но вернемся к Каттану. По моим сведениям, он не раз подставлял тебя, Эрика, – *и не раз спасал мне жизнь*. – Уволили тебя именно из-за того, что он выставил все так, словно ты специально сдала АРС ваше местоположение, когда вы пытались покинуть Анмар. Он играл твоими чувствами, затуманивал разум... прошу тебя, не позволяй этому вновь повториться. Боюсь, с каждым разом, с каждым днем цена за ошибки повышается, Эрика. Боюсь, что скоро «Шатры» достигнут неискоренимых масштабов.

– Зачем ты говоришь мне о нем сейчас? Это подозрительное стремление повлиять на мое мнение?

– Потому что хочу, чтобы ты рассказала мне все, что знаешь, не испытывая угрызений совести по отношению к бывшему любовнику, – бесстрастно заявляет аль-Мактум. И поспорить с логичностью и адекватностью его слов мне трудно.

– Судя по твоему лицу, мне даже больше ничего говорить не нужно. Ты взрослая девочка, Рика, сообразительная, и можешь проанализировать и сопоставить факты в выстраивающуюся цепочку событий. Я надеюсь, ты не станешь покрывать преступника Каттана. И если есть какие-то доказательства, хотя бы минимальные... или знания, где они могут храниться, я хочу знать об этом, Рика. И чем быстрее ты их раскроешь, тем быстрее мы приступим к уничтожению Шатров.

– Я ничего не знаю, Искандер, – с сожалением выдыхаю я, слегка опуская плечи. Я так запуталась, не знаю, кому и чему верить. – Находясь рядом с Каттаном, я думала, что у нас совместная операция, сотрудничество. Я ему доверяла, верила... – губы непроизвольно начинают дрожать, когда я осознаю, как глупо и слепо повиновалась зову сердца. – Я поняла, зачем ты здесь, но хочу тебя разочаровать: у меня ничего нет. Носитель информации действительно уничтожен. Я больше не агент ЦРУ. И сейчас, как ты уже заметил, я вкладываю все свои деньги, силы и ресурсы в благотворительность. И не понимаю, почему ты сразу не сказал мне правду. Я зла не потому, что ты принц Анмара, а потому, что ты лгал мне. Не уверена, что могу доверять тебе, Искандер.

– Я понимаю тебя, Рика. Ты находилась под влиянием Каттана, в полной зависимости от него, и поэтому совершала необдуманные поступки, сопоставимые с предательством своей страны. Легкая форма стокгольмского синдрома, не так ли? Ты все это прекрасно знаешь, как и понимаешь, что Джамаль умело манипулировал тобой все это время, преследуя только свои цели. В связи с этим я в последний раз тебя спрашиваю: ты обладаешь информацией, компрометирующей АРС или других подозреваемых?

– Нет, Дерек. Ничего у меня нет. А если бы было, я бы здесь не сидела. У меня с «Шатрами» личные счеты, и во снах я вижу, как уничтожаю каждого причастного к этому чистилищу голыми руками.

Искандер аль-Мактум медленно выдыхает, стараясь скрыть разочарование во взгляде. Теперь мне все более-менее ясно, и я не жалею о том, что согласилась поужинать с ним. Все факты, приведенные Дерекком – действительно играют против АРС, и каким бы жутким потрясением для меня это ни было, я склонна верить ему... а у меня есть другие варианты? Я сама видела, как жестоко Джамаль расправился со свидетелем, в то время как я всегда требовала от него суда и объяснений. Он же не пояснял мне ничего, лишь растравил сознание красивой историей о короле и Малике, постоянно уходя от ответов на мои каверзные вопросы. К тому же он лгал мне все время: о женах, о своей личности, о целях, которые он преследует. Что в наших отношениях было искренним, кого я полюбила? Я понятия не имею кого... Джейдана Престона, Джамалья Каттана? Художника с синими глазами, что спас меня от неминуемой гибели?

Да. Последнее. Но того мальчика больше нет...

– Хорошо, Рика. В любом случае я был рад знакомству с тобой. И я, как и ты, уже давно занялся созданием подобного приюта по реабилитации пострадавших в Анмаре. В том числе и от военных действий в Кемаре. Годы идут, а шатры до сих пор не уничтожены. Мой отец нестабилен и серьезно болен, хотя от меня это пытаются скрыть. Я поставил себе цели, которых намерен рано или поздно достичь. Надеюсь, теперь ты меня понимаешь. И не злишься за то, что представился «биржевым инвестором», – Искандер подавляет глухой смешок, но моему ответу мешает вибрирующий на столе телефон Искандера, который он сразу поднимает и, бросая взгляд на экран, произносит:

– Прости, Рика. Мне нужно ответить. Звонок действительно важный, – я медленно киваю и следующие пять минут наблюдаю за тем, как сменяются эмоции на лице Искандера. В основном это сочувствие, ответственность и напряжение – я не слышу, о чем рассказывает Дереку его собеседник, но сам Искандер лишь время от времени бросает в трубку дежурные фразы «ты знаешь, что делать», «сколько их?», «я скоро приеду и мы разберемся».

– Еще раз прости, – не отступая от правил этикета, извиняется Искандер, сосредоточив внимание на мне, убирая телефон во внутренний карман пиджака. – Нашли новых детей, которым удалось сбежать от своих покупателей. Их трое. Две девочки и мальчик десяти лет. Мой приют пока не готов, и всех пострадавших я размещаю в комфортном коттедже на территории дворца, – поясняет Искандер, заставляя мое сердце судорожно сжаться от боли и сочувствия, а в душе загореться слабой надежде на то, что среди сбежавших могла быть Эмилия.

– Сколько их уже там? Как они сбежали? – оживившись, заваливаю Искандера вопросами, нервно теребя в руке салфетку.

– Узнаю, когда приеду. Обычно я разговариваю с каждым: вдруг кто-то из них слышал то, что не должен был слышать, пока находился в «Шатрах». Но, как правило, они сломлены и неразговорчивы, Рика. А я не настаиваю на разговоре, чтобы не травмировать их еще больше. Очень жаль, что будущее страны уничтожается вместе с их судьбами. Если так пойдет и дальше, огромная часть подрастающего поколения будет истреблена. Во что превратится Анмар? В колонию рабов? Я этого не допущу, – сжав зубы синхронно с кулаком, обещает Искандер, бросив на меня такой взгляд, от которого каждый волосок на моей коже встал дыбом, овеянный энергией его непоколебимой решительности и уверенности в своих действиях. – Кстати о

предложении, от которого ты не сможешь отказаться, Рика. Понимаю, как это звучит для тебя, и в твои планы не входило возвращение в Анмар. Но я хотел бы тебе предложить... поучаствовать в помощи этим детям. Здесь же я найму бригаду рабочих, которые пока будут также заниматься строительством школы.

– Зачем тебе я? – пытаюсь понять, не играет ли Искандер на моих чувствах, и распознать расчетливые нотки в его голосе. Может, с его стороны – все происходящее такая же игра, чтобы еще больше меня запутать? Активная деятельность АРС по борьбе с «Шатрами Махруса» против активной деятельности Искандера, пекущегося о детях и будущем своей страны... что из этого реальность, а не постановка?

– Ты прошла через подобное дважды. Я видел, как ты успокаиваешь детей, как общаешься с ними, как даришь надежду. Исцеляешь, Рика, – мягко шепчет Искандер, не скрывая своего восхищения. – Мне не все равно. Как я уже сказал, дети – это будущее моей страны. Я знаю, ты не доверяешь мне, Рика. И честно, я не стану убеждать тебя в обратном, я уже все сказал. Кому поверить – решать только тебе. Скажешь «нет», и я приму это решение. Тем не менее вылетаю в Анмар я послезавтра. Здесь, моя миссия закончена.

– Зачем нужно было ждать две недели? Последний вопрос, – уточняю я, все еще подозревая Искандера в неискренности.

– Эти две недели я не бездельничал, Рика. К тому же... мои планы немного изменились, когда я узнал тебя, увидел. Ты мне небезразлична, и я говорю об этом прямо. Я привык получать то, чего я хочу... и буду рад, если в Анмаре у нас появится возможность узнать друг друга поближе. Но, конечно, главной причиной моего приглашения остается твоя помощь детям. Сейчас с ними работают опытные психологи, в том числе и те, которых я отобрал в штатах, но большинство детей боится их. Понимаешь? – я медленно киваю, прекрасно понимая, что он имеет в виду. Я сама через это прошла – и после спасательной операции из шатров я не нуждалась в психологе. Я нуждалась в семье, любви, поддержке и заботе... понимании.

– Я согласна, – отвечаю быстро, пока не передумала. Мысли вертятся вокруг Эмилии, которая прямо сейчас, может быть, находится на территории дворца. А значит, совсем скоро мы встретимся, и бремя ответственности за то, что я не спасала ее, спадет с моих плеч.

Но есть куда более веские и искренние причины моего возвращения в Анмар, о которых мне даже думать страшно. Снова на грабли, снова стремлюсь в свой сладкий, но полный яда омут, в агонию... прыгнуть в бездну, оказаться рядом. На одной земле с Джамалем. Я безумна. Зависима. Теперь я знаю, какое он чудовище, и все равно тянусь к нему... сквозь землю и океан, словно связывающая наши души нить вновь притягивает нас друг к другу... обстоятельства складываются в пользу моего возвращения. Мактуб? Или выбор? Или еще не поздно отказаться?

Сложно. Страшно. Но когда дело касается Джамала, выбора у меня нет. *Если он чудовище, то я должна лично убедиться в этом.*

– Ты поедешь в Анмар? Снова? – уточняет Искандер, видимо сам пребывая в шоке от того, что я согласилась на очередной опрометчивый поступок в своей жизни.

– Да, но, если ты пообещаешь мне, что в моем распоряжении будет личный самолет, который в любой момент сможет отвезти меня в Штаты. Рабства с меня предостаточно. Мне нужны гарантии безопасности, Искандер, и постоянная связь с Америкой: с отцом, с братом. Кстати, алиби для бывшего места работы тоже необходимо. Для всех я лечу в Анмар, потому что у нас с тобой – роман, – выставляю свои условия, глядя на то, как Искандер расплывается в довольной улыбке, наблюдая за тем, как я бросаю ему вызов. И аль-Мактум принимает его.

– По рукам, мисс Доусон, – Искандер протягивает мне руку и, скрепив наш договор рукопожатием, мы наконец переходим к поглощению вина и остывшего ужина. – Ты первая женщина в моей жизни, которой я позволяю диктовать какие-либо условия. И последняя.

– То ли еще будет, ваше высочество, – игриво отвечаю я, осушая бокал с терпким на вкус вином до самого дна.

Глава 2

Анмар. г. Асад

Джамаль

После полученного сообщения от Кадера о срочной встрече прошла почти неделя, прежде чем он соизволил появиться. Внешняя камера зафиксировала незваного гостя, послав тревожный сигнал на мой мобильный. Но какого черта Таир делает здесь? В доме, где я никогда не принимаю визитёров, где единственной прислугой является Адела, мать девочки, которую на моих глазах продали на аукционе. Мне пришлось подключить личные связи, чтобы найти Эмилию, но внутренней разведке удалось вычислить только Аделу, нелегально вывезенную в Анмар вместе с дочерью. Их разделили на границе и продали в разных лагерях Шатров Махруса. Женщине удалось сбежать, и она обратилась в полицию в надежде, что там помогут с розысками дочери. Так я и вышел на нее и организовал дальнейшее расследование. Аделе некуда было пойти, а я нуждался в порядочной прислуге. Чтобы не сойти с ума от волнения и тревоги, она согласилась. И стала первой женщиной, переступившей порог дома, построенного для одной гордой шпионки. Надеюсь, уже экс-шпионки.

Убрав телефон, я тщательно вымыл руки в раковине, досуха промокнул полотенцами, сбросил грязную рубашку, вместо нее натянув чистую футболку, и покинул студию, закрыв дверь на автоматический замок.

– Джамаль, к тебе визитер, – без церемоний и на «ты» обращается ко мне подоспевшая Адела, заправляя выбившиеся светлые волосы в тугой пучок на затылке.

Я изначально установил между нами простую и непосредственную модель общения. Европейкам нелегко вникнуть в бесконечные церемонии и обычаи Ближнего Востока. Взгляд Аделы останавливается на моем лице.

– Краска на щеке, – подсказывает она, показывая на себе, где именно осталась клякса.

– Спасибо, – киваю я, вытирая пятно ребром ладони. – Постарайся не показываться, – прошу я, чтобы уберечь Кадера от соблазна.

Мне известна слабость моих соплеменников к блондинкам. Адела еще очень молода. Немного за тридцать, стройная и статная. У торговцев неплохой вкус, и в женщинах они толк знают, да и какой смысл похищать товар, который не будет пользоваться спросом?

– Может, этот мужчина пришёл с новостями об Эмилии? – с надеждой спрашивает Адела. Я качаю головой, привычным жестом дотрагиваясь до шрама, оставшегося от ранения в шею. Хирург из госпиталя, где меня экстренно оперировали, сказал, что от смерти меня отделяло три миллиметра. Очередное везение? Или снова судьба?

– Нет, не думаю, – честно отвечаю я, чтобы она зря не мучилась в ожидании. – Я обязательно сообщу, если что-то прояснится. Иди к себе и не выходи, пока гость не покинет дом.

– Хорошо, – согласно кивает женщина.

– Я, наверное, тоже уеду. Три дня уже не был дома, – теперь, произнося «дом» и подразумевая под этим словом место, где я живу с Лейлой и Аидой, меня охватывает дискомфортное неправильное чувство. Возможно, я все еще не восстановился от полученных ранений, но как дома я чувствую себя только здесь, закрывшись в мастерской.

Запах краски и растворителя вместо сладковатых духов скучающих по мне жен.

Жёсткий матрас и кушетка вместо их нежных объятий.

Я становлюсь затворником...

А когда-то одиночество пугало меня, оглушая тишиной пустых комнат. Я вырос в большой и любящей семье и в одно мгновение потерял всех, кто был мне дорог. Как долго смех сестер, мягкий негромкий голос матери и мудрые наставления отца звучали в моей голове, когда я засыпал на казенной койке в подготовительном лагере АРС. Я и сейчас еще вижу в обрывочных снах их расплывчатые лица, они приходят все реже, напоминая о прошлой жизни, в которую нет возврата. От мысли, что я мог стать причиной их гибели, мои внутренности выворачивает от боли, бессильной злобы. Я могу найти виновных и предать их тела мукам, но никто не вернет мне семью, не вдохнет в них душу, не облегчит страдания, через которые им пришлось пройти в последние мгновения своей жизни. Этот груз ответственности всегда тяжким камнем лежит на моих плечах.

Во времена первых спецопераций, когда мне подолгу приходилось жить под вымышленными именами в чужих странах, искусно притворяясь тем, кем не являюсь, я нашел свой способ забвения. Маски вымышленных личностей на какое-то время становились ближе моего настоящего внутреннего «я». Вот только человек так устроен, что любое лекарство рано или поздно вызывает стойкое привыкание, перестает действовать и нуждается в альтернативной замене.

Жить в разных городах, целовать красивых женщин, находить преступников, заслуживающих наказания, – все это стало для меня обыденностью, рутиной, и я с отчаянной тоской ожидал завершения задания. Мной овладевала дикая тоска, когда я возвращался в пустую пыльную квартиру. Все, что у меня было тогда – это служба, тяжелые воспоминания, голубые глаза Эйнин, сквозь пелену слез смотрящие с портретов, расставленных вдоль голых стен, и отголоски чужой настоящей жизни, доносящиеся из соседних квартир. И в одну из бессонных ночей, слушая, как за стенкой плачет младенец, я впервые столкнулся с одиночеством лицом к лицу, узнал его, нашел наконец название гнетущему чувству, которое не отпускало меня после Аззамского теракта.

Женившись на Лейле, я еще какое-то время надеялся, что она сможет помочь мне, что вместе мы сможем выгнать тени прошлого из нового красивого дома, в который я привез молодую жену. Но альтернативное лекарство не помогло.

Она любила меня, я знаю. И сейчас любит. И Аида тоже. Они – прекрасные, достойные девушки, я буду заботиться о них и оберегать до конца наших жизней, но пустоту в моей душе способна заполнить только *одна*.

От болезни с именем Эрика Доусон нет никакого альтернативного лечения, кроме нее самой. Когда ситуация стабилизируется, она займёт предназначенное ей место.

Эрика будет сопротивляться отчаянно и дико – так, как умеет только она. Мне придется надавить на нее, убедить, заставить вспомнить о своих корнях, принять традиции, в которых выросла она сама. Бой будет неравным и ожесточённым. Она проиграет... как обычно, и позволит мне сделать ее счастливой по тем правилам, что установлю я. Если мы хотим получить что-то большее, то должны пожертвовать чем-то меньшим. Другого варианта для нас нет и быть не может. Она создана для меня. И мы оба это знаем.

Спустившись, неторопливо подхожу к двери и, открыв, пропускаю незваного гостя. Обменявшись вежливыми приветствиями, мы располагаемся в мягких низких креслах за чайным столом в центре гостиной. Кадер внимательно осматривается, не спеша переходить к цели визита. Дизайн и экстерьер этого дома очень отличаются от первого. И он больше похож на дворец махараджи, чем на особняк архитектора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.